

Наша
марка

По заказу МХАТа

В филиале Центрального конструкторского бюро при самаркандском заводе «Кинап» заканчивается изготовление звукотехнической аппаратуры для нового здания МХАТа.

Они не очень вежливо перебивают друг друга. Они уже целый час рассказывают, показывают, уточняют, добавляют. Уж очень им хочется, чтобы я понял и блочный принцип, и систему коммутации, и всякие другие премудрости аппаратуры, над которой работают уже третий год.

— Ну, теперь хоть чуть-чуть разобрался? — спрашивает главный инженер филиала Михаил Александрович Волокитин.

Я не очень уверенно киваю головой, и объяснения начинаются снова.

Звукотехническая аппаратура для нового здания Московского художественного академического театра тоже должна была быть новой. То есть, она обязана была включить в себя как можно больше последних технических достижений. Поручили ее создать Всесоюзному научно-исследовательскому киноинституту (НИКФИ) и в то же время отделу главного конструктора самаркандского завода «Кинап».

Почему честь была оказана именно Самарканду?

— Наверное, потому, — говорит Волокитин, — что первая в Союзе типовая звукотехническая аппаратура для театров была создана на «Кинапе».

— Первоначальную схему аппаратуры разработал НИКФИ, — говорит ведущий конструктор филиала Борис Шуман. — Но она у нас претерпела такие изменения, что от первого варианта осталось очень мало.

— Я слышал, что этот комплект звукотехнической аппаратуры очень оригинален...

— Главное сейчас, — хмуро перебивает меня Волокитин, — не изобретать паровоза.

— Не изобретать велосипеда, — поддерживает его Шуман.

Самаркандские инженеры ездили по многим городам. Смотрели, изучали. Что-то им подходило, что-то — нет. Причем, изучали не только основные, принципиальные вопросы. Часто в тупик ставили всякие мелочи. Где взять различные кнопки? Какими они должны быть? Приспосабливали кнопки с

других аппаратур. Придумывали свои. Сами же их изготавливали.

— До сих пор, — говорит Шуман, — не можем найти часы для пульта звукооператора. Да, не удивляйтесь. Нам нужны часы средних размеров. Но в них должен быть секундомер. Это очень нужно для звукооператора. Но попробуйте найти такие часы...

Потом сам себе говорит: «Найдем, конечно».

Многое уже позади. Закончена разработка технической документации. Заканчивается изготовление аппаратуры. Идут налабочные работы.

Я дотрагиваюсь рукой до пульта звукооператора. А инженеры все мне объясняют. Говорят они о больших возможностях созданной аппаратуры.

Вы — в театре. Идет спектакль. Допустим, на сцене такая картина. На скамейке в парке влюбленные. Где-то поет соловей. Вы отчетливо слышите соловьиные трели.

Картина меняется. Война. Бомбят город. Вы слышите нарастающий визг падающей бомбы. Ближе, ближе. Грохот взрыва.

Можно привести сотню, тысячу примеров. И везде вы будете сталкиваться с эффектами, создаваемыми оператором с помощью звукотехнической аппаратуры. И трели соловья, и протяжный

свист падающей бомбы, и отдаленные раскаты грома, и эхо в горах, и многое, многое другое записано на магнитофоны, которые вмонтированы в пульт звукооператора. Аппаратура помогает в нужный момент включить их и создать нужный эффект в зрительном зале.

— Наша аппаратура, — говорит Михаил Александрович, — позволяет обслуживать не только драматические спектакли. В новом зале МХАТа — это концертный зал, где могут выступать и симфонические оркестры, и эстрадные ансамбли. Наша аппаратура сможет обслуживать и демонстрацию широкоформатного кинофильма.

И опять они начинают рассказывать о богатых технических возможностях аппаратуры. Свыше 1.000 дистанционных переключателей (реле) и 4.000 транзисторов и диодов.

— Ну, неужели во всем этом нет ничего оригинального? — настаиваю я.

— Принципиальное отличие нашей аппаратуры от других — свободное переключение и ячейки памяти, — говорит Шуман.

Дело в том, что в старых театральных звукотехнических аппаратах, если выйдет из строя включение какого-то эффекта (ну, хотя бы раскаты грома), то звукооператору уже не удастся

переключить этот эффект на другой микрофон. А в самаркандской аппаратуре это легко сделать. Звукооператор может работать свободно, творчески.

А «ячейки памяти» — это вот что. Рядом с пультом находится светопанорама — кнопочная имитация расположения громкоговорителей в зрительном зале. Если звукооператор при включении разных сигналов на разные громкоговорители запутается, то он легко может прозерить себя. Нажмет на пульте (та ли это кнопка?). И если та, то все остальные на светопанораме погаснут.

Ячейки памяти — это то, что звукооператор МХАТа после репетиции может выключить из сети пульт и пойти домой. Назавтра он включит в сеть аппаратуру, и пульт будет в том же состоянии, как и на предыдущей репетиции.

Многое еще рассказали мне инженеры. Могли бы рассказать еще больше. Потому что ими проделана огромная работа. Потому что эта работа им очень нравится.

У них еще много забот с этой аппаратурой. Порой она капризничает. Но основное сделано. И в следующем году самаркандская аппаратура получит московскую прописку.

В. ТИХОНОВ.